

Паденіе совѣтской власти

НАД КНИГОЙ С. ДМИТРІЕВСКАГО

«Совѣтскіе портреты» С. Дмитріевскаго должны составить эпоху в зарубежной политической литературѣ. Впервые раздвинулись перед нами кремлевскія стѣны, и мы увидѣли актеров русской революціонной трагедіи в их подлинный рост. Под маской героев С. Дмитріевскій показал нам дѣловитых «сановников», уже страдающих от ожиренія, но увѣренных в своих силах, способных, волевых, но живущих в мірѣ вѣдомственных дѣл, подобно министрам стараго режима. Спрашиваешь себя, да какую же роль играет марксистская догматика в работѣ этих дѣльцов, столь трезво учитывающих и обстановку и человѣческой матеріал? Порой начинает казаться, что эта роль соотвѣтствует православнои и славянофильской идеологіи, которая когда-то могла вполне искренне заполнять сознание сановников самодержавія, мало отражаясь на текущей бюрократической работѣ. Как и тогда, основное направленіе этой работы предопредѣлено исторіей. Там — охраненіе имперіи, здѣсь охраненіе ленинской революціи, которое оказывается возможным лишь на путях ея дальнѣйшаго углубленія. Читая очерки Дмитріевскаго, скорбно убѣждаешься, как сильно мы грѣшим, переоцѣнивая процесс коммунистическаго вырожденія. Будь сталинцы людьми термидора, насколько безболѣзненнѣе проходил бы спуск революціи. К великому несчастью Россіи, она управляется не жуликами. Слово «идеалист» еще менѣе к ним подходит. Но, может быть, правильнѣе всего было бы назвать их идеологическими дѣльцами. А эта порода всего опаснѣе. Из книги Дмитріевскаго мы неожиданно узнаем, что всѣ «молодые» вожди сталинской эпохи — с довоенным партійным стажем. Пусть это самые послѣдніе призывные года старой гвардіи, но до сих пор еще бывшіе подпольщики правят Россіей. Харак-

терно указаніе, что в бытовом обиходѣ Кремля и в моральных вопросах партійцев старья большевички из ленинской эмиграціи — авторитет, с которым всѣ считаются. И это несмотря на политическое поражение всѣх ленинских соратников! Партія все еще сохраняет свою сектоподобную монолитность, которой не разрушил режим личной деспотіи Сталина.

Впечатлѣніе опромной силы власти, еще не растроченной к 15-му году революціи, выносишь из этой книги, — впечатлѣніе дополняемое изображеніем чудовищной организациі ГПУ. Распыленное, деморализованное страхом и голодом населеніе, — и над ним нѣсколько милліонов властвующих, подчиненных строгой іерархіи партіи и ея вождей, — картина, от которой сжимается сердце за русскій народ и его будущее.

Сам автор от пессимизма весьма далек. Желѣзная машина власти изображается им с большим паѳосом: автор, очевидно, принадлежит к очень распространенному нынѣ типу людей, которым импонирует всякая власть. В предисловіи он с неожиданным для вчерашняго большевика восторгом рисует царскую власть в Россіи. Аракчеев и Побѣдоносцев принадлежат к числу его героев. Но С. Дмитріевскій, конечно, враг коммунизма. Он вѣрит в національную Россію, в ея освобожденіе от коммунистическаго ига. В статьѣ своей в № 3 «Утвержденій» он призывает зарубежную молодежь к активной борьбѣ за сверженіе власти, к образованію національно-революціонной партіи. Кажется, мы присутствуем при образованіи новаго типа — несомнѣнно, «пореволюціоннаго» — активизма в эмиграціи. До сих пор эмигрантскій активизм был удѣлом ископаемой политической формациі. Безумное геройство слѣпцов, если не могло нанести Россіи существеннаго вреда, то все же отдаляло, в мѣру слабых их сил, ея освобожденіе. Новая національно-революціонная партія еще не сложилась. Она еще может отлиться в разныя формы. Хотим надѣяться, что она не поддастся соблазну «соціальной монархіи» Дмитріевскаго или младороссов. Но, помимо вѣрно найденной политической программы, успѣх ея будет зависѣть от правильно избранной тактики. Быть может, даже в большей мѣрѣ от тактики, — ибо для разработки программ будет еще время — в Россіи.

Не думаю, чтобы тактической путь для самого Дмитриевского уже определился. Но его книга дает много данных для уяснения политического пути России.

Было бы слишком смело сказать, что этот путь ясен для нас. Россия все еще скрыта отсюда в грозных тучах. Все, что мы можем, это отдать себе отчет в направлении еле видимых дорог. Выбор между ними, связанный с большим риском, дело личной ответственности. Мы хотели бы установить лишь известные необходимые предпосылки для тактического самоопределения всякого нового активизма. Само собою разумеется, что эту политическую разведку автор предпринимает на свой страх и риск, снимая с близкого круга «Нового Града» ответственность за предлагаемая им оценки и перспективы.

Старые понятия, которыми оперируют до сих пор зарубежные тактики, явно непригодны и вносят путаницу. С одной стороны, это классическая «революция-эволюция», с другой «народ и большевики», или «народ и власть».

Стало как-то уже неловко, после стольких разъяснений, настаивать на том, что эволюция и революция не исключают друг друга. Что революционный взрыв может быть завершением эволюционного процесса, а эволюционный процесс, при достаточной углубленности, может означать, по своему социальному смыслу, настоящую революцию. И что такое революционный взрыв: всенародное возстание? военный бунт? дворцовый переворот? Все эти возможные свершения или этапы борьбы не исключают друг друга. В современном состоянии политической омертвлости России едва ли и время спорить о конкретных политических лозунгах. То обострение диктатуры, которое придал ей Сталин, ее обратная «эволюция» к единодержавию как будто оставляет мало надежд на постепенность спуска. Трагическая судьба России вообще не обещает «тихого и мирного жития». Ее пажити и нивы все еще обильно поливаются кровью, не становясь от этого, увы, болѣе тучными. Если под эволюционизмом понимать благодушный оптимизм, то для него сейчас нѣтъ мѣста. Рожденный «нэпом», эволюционизм умер естественной смертью. Но еще раньше его и безнадежно умер его противник — классический революционаризм «Борьбы за

Россію», сущность котораго — в отождественіи антибольше-
вистской революціи со старыми формами революціонной борь-
бы против самодержавія. Почему этот примитив старой студен-
ческой «Дубинушки» не годится для нашего времени, это вы-
яснится тотчас же, как только мы перейдем ко второй тактиче-
ской антитезѣ: «народ и власть».

Что такое народ в современной Россіи, и что такое власть — или большевики? Как ни упростилось классовое строеніе общества в Россіи послѣ революціи, как ни естественно для всякаго диктаторіальнаго режима углублять разрыв между властвующими и подвластными, — все же это противоположеніе в строѣ СССР наталкивается на большія трудности. В Россіи сейчас существуют слѣдующія крупныя соціальныя группы: партія, совѣтская бюрократія, армія, комсомол, пролетаріат, крестьянство, не считая слабых, побѣжденных или подавленных в конец обломков старой интеллигенціи, духовенства и буржуазіи. В этой схемѣ безспорно лишь положеніе партіи и крестьянства (власть и народ). Но гдѣ мѣсто рабочаго класса — с одной стороны, экономически эксплуатируемаго, с другой привилегированнаго и постоянно питающаго правящій слой? Что такое совѣтская бюрократія, или служилая интеллигенція, верхніе слои которой совпадают с партіей, а масса является и молотом и наковальной одновременно? Народ или власть — красная армія? Комсомол? Для всѣх этих групп характерно двустороннее насиліе, пронизывающее всю соціальную жизнь. Каждая из них является правящей и управляемой, палачем и жертвой одновременно. Точнѣе, раздѣл устанавливается по линіи личной активности или личной безсовѣстности. Хищныѣ успѣвают уменьшить давленіе на себя сверху и расширить за счет низов поле своей активности. Только слабые не умѣют переключить поражающаго их разряда тиранической воли. Но слабые и не идут в счет. Даже в крестьянствѣ возникают, по личным и случайным признакам, группировки — ячейки, коллективы бѣдноты, совѣтскій аппарат, — которыя успѣвают на время схватить в свои руки топор диктатуры. Даже среди в конец раздавленных представителей истребляемых классов — старой интеллигенціи и духовенства — предательство, связь с

ГПУ облегчает для многих этот уход из «стана погибающих». Иные академики или вожди церковных обновленцев явно общаются харизмъ революціонной власти.

Именно этой социальной структурой диктатуры объясняется ея необыкновенная живучесть. Властители и подвластные не раздѣлены никакой рѣзкой чертой. Самая принадлежность к партиі не означает непереходимой черты, ибо наивно думать, что в партиі собраны одни марксисты и ученики Ленина. Переход или паденіе по ту сторону черты возможны для каждого, в любую минуту. Правда, для большинства цѣною низости: лжи, подхалимства, предательства. Но в Россіи — социально-активной — на 15-ый год революціи низость считается ни во что. Вот почему в Россіи так трудно представить себѣ возстаніе «народа» против «власти», даже отвлекаясь от страшной сѣти ГПУ, дѣлающей невозможной организацию массоваго дѣйствія. Всегда возможны стихійныя вспышки масс, крестьян и рабочих, доведенных до отчаянія голодом и грабежем. Но разрозненныя возстанія эти неизмѣнно подавляются или успокаиваются, и никогда не поднимаются над конкретной злобой дня до политическаго антисовѣтскаго движенія.

Значит, безнадежность? Длительное гніеніе Россіи, ея духовная и политическая смерть?

Нѣтъ, ибо этот пессимистическій вывод вытекает с необходимостью лишь из неизжитых революціонных иллюзій. Нужно помнить, что контр-революція, или, точнѣе, спуск революціи совершается по совершенно другим законам, чѣм подъем революціи, или ея взрыв.

Контр-революцію дѣлает не народ, а вынесенные на гребень революціи новые сильные классы. Влчи народных движеній на ущербъ революціи скорѣе стимулируют и ускоряют, чѣм опредѣляют процесс образованія новой власти. Это не доктринерское обобщеніе из французской исторіи. Это опыт самой русской дѣйствительности. Давно уже массы в Россіи не пробуждаются из состоянія политической пассивности, и единственныя революціонныя (контр-революціонныя) движенія, которыя мы имѣем возможность наблюдать, выходят из

ядр самой коммунистической партии: троцкисты, Сырнов, Рютин...

В эпоху Нэпа могло казаться, что движение возьмет в свои руки новая буржуазия, опирающаяся на крестьянство. Тогда мог представляться естественным буржуазный спуск русской революции. Сталин во время парировал эту опасность. Уничтожение буржуазии и крестьянства — частно-хозяйственного сектора страны — и составляет политический смысл пятилѣтки. Но уничтожение буржуазии означает разбухание государства, ибо строительство социализма в России есть строительство государственного капитализма. Аппарат государства, могущественная бюрократия вырастает на мѣстѣ исчезающих частнохозяйственных сил, и предъявляет свои права.

Активная, правящая Россия наших дней слагается, под режимом личного самодержавия, из трех социальных групп: партии, советского аппарата и комсомола. Эти три группы тѣснѣйшим образом связаны между собой. Комсомол пополняет ряды партии и бюрократии. В советском аппарате всѣ ответственные посты заняты коммунистами. И тѣм не менѣе эти группы различны по своей духовной и общественной установкѣ. Их возможное расхождение реально и означает «падение советской власти».

Психологически рѣзче всего черта, отдѣляющая молодежь от партии и советского аппарата. По одну сторону идеалисты, по другую — дѣльцы. Идеализм советской молодежи нельзя понимать, конечно, в моральном смыслѣ, хотя нѣкоторыя весьма высокія моральныя качества в ней присутствуют: мужество, дисциплина, преданность «общему дѣлу». Эти качества, связанные с отрицанием личной чистоты, правдивости и человечности, создают скорѣе военный тип общественного служения. Идеализм же комсомола выражается всего сильнѣе властью идеи над сознанием, зачарованностью, заполненностью этой идеей вплоть до потери личной мысли и личной совѣсти. Как бы ни было велико число безпринципных карьеристов в комсомолѣ, в России это сейчас единственный слой, являющийся носителем «идеократического» сознания.

Мы предполагаем, что в п а р т и и процесс выдыхания

революціоннаго энтузіазма уже завершился. Книга Дмитріевскаго подтверждает уже не новый діагноз. Это не значит, конечно, что партія не вбрит в революцію и соціализм, но для большинства ея членов революція и соціализм уже слились с охраной достигнутаго. Они могли бы сказать, да и говорят почти дословно: «Революція — это мы», наша партія, наша власть. Соціализм — наше хозяйство. Удареніе явно падает на «наше» и «мы». Само содержаніе хозяйственной политики может мѣняться, но дѣло соціализма и революціи не погибло, пока у власти стоим «мы». «Мы» в Кремлѣ и красный флаг над Кремлем — для них самое реальное содержаніе революціи.

Но не противрѣчит ли самый размах сталинскаго террора, воскрешеніе традицій революціоннаго коммунизма — этой предпосылкѣ оппортунистическаго перерожденія партіи? Нѣтъ, ибо жестокость борьбы с цѣлым классом, с крестьянством, составляющій смысл новаго сталинскаго режима, только подчеркивает тот факт, что борьба ведется за самосохраненіе партіи, не желающей растворяться в мелкобуржуазном русском морѣ. Оппортунизм партіи — коллективный, а не личный оппортунизм.

Тѣ же самыя партійцы, становясь во главѣ г о с у д а р с т в е н н а г о , «совѣтскаго» аппарата, начинают увлекаться совершенным иным потоком жизни. Интересы дѣла мало-помалу уже превалируют над директивами партіи. Для краснаго директора, поставленнаго во главѣ фабрики, поднятіе ея производства становится самой жизненной задачей. В борьбѣ за уровень он сблизается с безпартійными спецами, он проходит трезвую хозяйственную школу опыта и начинает проклинать идеологическія директивы центра, убійственныя для его дѣла. Командир красной арміи, занятый боеспособностью своих солдат, вмѣстѣ с ними возмущается колхозным террором в деревнѣ, подрывающим революціонный патріотизм крестьянской молодежи. Командир, директор, культурный работник служат, волей не волей, Россіи и ея національным задачам, даже тогда, когда боятся произнести эти запретныя слова. Пусть не Россія, а СССР, пусть не отечество просто, а соціалистическое, но оно давно уже оттѣснило в сознаніи задачи міровой револю-

ции. В России всё (т.-е. всё активисты) говорят о социальной революции, ждут её, но насколько отношение к ней изменилось по сравнению с первым романтическим бредом октября! Тогда для мировой революции жгли Россию, теперь от революции ждут прибыли для России: помощи технической, помощи военной. Интернационал СССР теперь в значительной мере стал формой русского империализма.

Основной стержень книги С. Дмитриевского — в остром противопоставлении двух типов на верхах правящего класса: марксиста - революционера и государственника - строителя. Мы не в состоянии проверить точность его индивидуальных характеристик. Возможно, в них много преувеличений, перерисовок и даже личных счетов. Но основной водораздел, думается, намечен правильно. Ясны и вытекающие отсюда политические выводы.

Противоречие национальных и партийных задач, обостряясь, является источником внутренней борьбы в партии, неизбежно подкапывающей диктатуру. В этой борьбе обе правящие группы опираются на разные слои населения. Государственники на хозяйственные слои: на технических спецов, рабочих и крестьян. Революционеры на полицейский аппарат и — комсомол.

В самом деле, комсомол сейчас единственная идейная сила, питающая революцию. До сего времени на молодежь опирались все левые уклонисты, т.-е. доктринеры, жаждущие раздувать потухающий костер. Это естественно. Молодежь наиболее оторвана от жизни, наиболее доступна радикальной доктрине — в единственно возможной ныне форме революционного марксизма. Марксизм все еще соблазняет ее логической прямолинейностью своих конструкций, беспощадностью своих жизненных приложений. Насиловать жизнь, ломать ее во имя стройки будущего социалистического рая — это дело ей по вкусу и по плечу. В этом она продолжает старую русскую традицию, абсурдно обостренную падением культурного уровня.

Молодежь представляет сейчас в России большую силу. Благодаря быстрой изнашиваемости людей в революции, благодаря сознательному удалению из жизни старых поколений, связанных с дореволюционным прошлым, перед комсомолом от-

крываются широкія дороги в жизнь. Молодежь занимает отвѣтственные посты. И пока жизнь не успѣла перемолоть ее доктринерства, она во всю насилует и разрушает жизнь. В этом «педократическом» характерѣ русской революціи, между прочим, таится другое объясненіе ея затяжного процесса.

Доктринеры против практиков, молодежь против «стариков», комсомол против Россіи. Между государственниками и комсомольцами еще не раскололась, но раскалывается партія, сохраняющая свое видимое единство, быть может, лишь благодаря режиму личного самодержавія.

Из этого анализа мы дѣлаем слѣдующій политическій вывод. Всякая рѣалистическая національная политика должна дѣлать ставку на государственныя и культурныя силы Совѣтской Россіи, и свои удары направлять против носителей революціонно-марксистской идеологіи. Вся программа національнаго активизма должна быть построена, исходя из этой предпосылки. Расчет политической акціи должен исходить не из смутнаго понятія «народа», а из реальных общественных групп в Россіи, в которых мы видим носителей новаго національнаго сознанія.

С этой «классовой» точки зрѣнія слѣдует произвести смотр всѣм политическим теченіям эмиграціи. Тогда окажется, что большинство их реально, не на словах, дѣлает ставку на доживающих в Россіи представителей старой интеллигенціи: лѣвой или правдой, в зависимости от своих собственных настроеній. Непрерывающееся бѣгство из Россіи представителей этой интеллигенціи поддерживает в эмиграціи опасную иллюзію своей связи с Россіей — какой Россіей? Нахожденіе общаго языка со своими бывшими друзьями не искупает отрыва от Россіи новой, по-революціонной, единственно активной и чреватой будущим.

Нѣкоторыя из наших теченій связаны с реальными классами страны, но классами безсильными, являющимися сейчас объектом, а не субъектом исторіи. Таковы принципально классовыя партіи «Крестьянской Россіи» и социалдемократов-меньшевиков. Вліятельная в эмиграціи группа читателей «Послѣдних Новостей» (которую я бы отличал от Р.Д. объединенія), в

сущности ориентируется на русскаго нэпмана, нынѣ выведеннаго из строя.

Большинство пореволюціонных теченій явно ориентируется на російскій комсомол. Ставка дѣлается на его духовное и идеологическое перерожденіе. Перерожденіе это, в религіозном и національном стилѣ, должно направить огромную энергію молодой Россіи на дѣло національнаго возрожденія.

Мы не отрицаем возможности идейнаго перерожденія комсомола. Болѣе того, на длительном отрѣзкѣ времени, оно представляется совершенно неизбѣжным. Марксизм, особенно в его ленинско-сталинской транскрипціи, настолько противорѣчит человѣческой природѣ, настолько убійственно-ядовит для всѣх духовных и душевных потребностей личности, что реакція против него во всяком живом организмѣ рано или поздно наступит. Ставка на молодежь не бессмысленна. Как ставка на реальную силу, она входит в орбиту реалистической политики. Но она чревата опасностями для будущей Россіи.

Никакіе перевороты в сознаніи, никакое новое идейное содержаніе не может исправить основнаго психологическаго вывиха этого слоя: его отвлеченности, доктринерства, максимализма, жестокой насильственности по отношенію к жизни и живой соціальной плоти. Легко можно себѣ представить русскую революціонную молодежь фашистской, сектантской, баптистской... но во всѣх своих идеологических аватарах она останется непригодной для строительства Россіи. Лишь отказ от примата идеологіи (что совмѣстимо с самой глубокой религіозной вѣрой и с самой горячей любовью к Россіи) сдѣлает русскую молодежь соціально годной силой. Но тогда она естественно займет мѣсто в рядах учеников, сотрудников, подлинной «смѣны» болѣе зрѣлаго и практически опытнаго поколѣнія строителей.

Ставка на комсомол умѣстна для поклонников «идеократіи», которые желали бы под новым знаменем увѣковѣчить революціонный процесс в Россіи: для всѣх любителей восторженнаго бреда, горячечнаго румянца и аракачеевского творчества. Всѣм, кто любит живую Россію, а не только русскую идею, концом революціи должно мыслить **к о н е ц п е д о к р а т і и**.

Новая активистская тактика эмиграции должна строиться в расчете на государственные элементы России и реальные интересы народных масс, которые ими представлены. Это не означает снижения нашего слова и дела до уровня пособников и подголосков российских партийных уклонов. Мы можем найти общий язык со служилой интеллигенцией, с советскими работниками, но не станем и искать его — с коммунистами, хотя бы оппозиционерами. И потом другое. Лишь здесь мы можем открыто защищать дело России. Там ее интересы находят двусмысленное и слабое выражение.

Если искать исторических аналогий, Россия нуждается сейчас в «Колоколе» Герцена или в «Освобождении» Струве, а не в новом издании «Революционной России». И «Колокол», и «Освобождение» были рассчитаны не столько на разрушительные, сколько на творческие силы России. Они искали их в вольной и служилой интеллигенции, которая интересы родины ставила выше политической, хотя бы и трижды праведной ненависти. Пассивизм? Но Струве защищал и царевубийство! Их отличие от левых революционеров было лишь в том, что освобождение России представлялось им не как мистическое крушение «старого мира», а как отвоевание у власти прав и свобод. Падение самодержавия не означало истребления династии и всего правящего слоя. Так и падение советской власти означает не истребление созданного революцией правящего класса, а его капитуляцию перед национальными задачами страны. Неспособные к преодолению ленинизма погибнут. Оставшиеся будут выполнять веления России.

Россия в мучительном борении ищет выхода из тупика. Жить мысленно не только с ней, но и в ней, в ее реальной и сложной обстановке, найти в ней свое место среди борющихся групп и лиц — вот единственная возможность активизировать наше антибольшевистское горение. Лишь в этом усилии мы поймем, чем и как мы можем помочь и м отсюда; лишь в этих условиях может родиться новый, истинно пореволюционный активизм.

Г. Федотов.